

О.В. Борисенко

Об отношении Православной Церкви к прощам и новоявленным иконам в контексте действия Духовного регламента 1721 г. на территории Минской губернии в XIX в.

Статья посвящена малоизученному феномену «прощи» (почитанию какого-либо священного места), сохранявшемуся на территории Минской губернии еще в XIX в. среди представителей различных христианских конфессий. На примерах архивных материалов рассмотрен процесс зарождения и развития почитания мест, связанных с обретением икон, камнями или видениями, а также отношение к нему Православной Церкви. Последнее варьировалось от полного запрета и уничтожения объекта поклонения до поддержания и адаптации традиции почитания под христианскую с последующим строительством храма на месте прощи.

Ключевые слова: Духовный регламент, камень, проща, священное место, христианство, явленная икона, язычество.

Несмотря на многовековую традицию христианства, в XIX в. на белорусских территориях Минской губернии еще сохранялись обычаи и верования, которые уходили своими корнями в язычество. Они включали в себя почитание камней, источников и различных священных мест, называемых в народе «проща». Существует несколько определений термина проща. Д.З. Шендрик и М.В. Довнар-Запольский определяют прощу как «ключ или колодец обыкновенно где-

нибудь в лесу или над болотом»¹. Н.А. Янчук приводит более развернутое определение данного понятия: «проща – собственно моление о прощении грехов с жертвованием в каком-нибудь святом или чудесном месте. Но в обыденной речи прощю называется самое это место, прослывшее почему-нибудь в народе, который в определенные дни стекается туда в большом числе на богомолье. Такими прощами бывают ключи, источники, особенно камни, горки, наконец, старинные кресты и т. п. С каждой из этих прощ связано предание о каком-нибудь необыкновенном событии или совершившемся здесь чуде, в которое народ верит безусловно»². Кроме того, прощей считалось и место явления чтимой иконы.

О возникновении прощ Н.А. Янчук в конце XIX в. писал следующее: «Эти прощия открываются до сих пор по поводу разных случаев. Представьте себе, например, деревенскую бабу, у которой тяжелое горе на душе; вот она, пася скот, заснула на пригорке и видит во сне исполнение всех ее мечтаний, видит, что горе ее прошло, и ей даже представляется, что сама Богородица явилась возвестить ей эту радость. Как только сон сбудется, хотя бы через год или через два, баба спешит на пригорок с приношениями, кладет на месте видения деньги, свечи, воск, лен, полотно, молится, наконец, оповещает обо всем соседок, место огораживается – и проща готова. С тех пор ежегодно в этот день, а также один раз в месяц во всякие Богородичные дни сюда стекается народ, и каждый раз все в большем количестве; они молятся, приносят "офиеры" (офиера, польск. – *ofi-aga* – приношение). Эти приношения потом раздаются нищим или собираются в ближайший монастырь или церковь. В конце концов, духовенство принимает такую прощу под свое покровительство; тогда вместо ограды или навеса строится часовенка, место освящается, служатся в известные дни молебны, а мелкие торговцы к этим дням привозят туда разный товар: пряности, игрушки, посуду и пр., и открывается нечто вроде ярмарки. Если местный священник вздумает останавливать это поклонение, то он сам рискует потерять

¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книжка для русских людей; под ред. В.П. Семенова. – Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. – Санкт-Петербург, 1905. – С. 159.

² Янчук, Н.А. По Минской губернии / Н.А. Янчук. – Москва, 1889. – С. 11.

уважение у прихожан, и если с ним случится какая-нибудь беда, то ее тотчас объясняют наказанием Божиим за его противодействие Божией воле. Такой случай был, напр., в Евличах, около Ивани, где священник скоропостижно умер, будто бы за то, что не хотел принять новой прощи на горке, где девушка видела сон на счет урожая и своей судьбы, который вскоре исполнился»³.

Зарождение большинства прощ уходило своими корнями во времена Речи Посполитой. Их почитание не зависело от конфессиональной принадлежности людей, и было характерно для трех господствующих христианских конфессий: православия, унии и католичества. Тем не менее наибольшее распространение данный феномен получил в среде сельского населения, исповедавшего униатство.

Начиная с 80-х гг. XVIII в. руководство униатской церкви стало уделять особое внимание искоренению пережитков язычества⁴, но это не приносило видимых результатов, и традиции почитания прощ сохранялись. После раздела Речи Посполитой униатские приходы стали воссоединяться с Православной Церковью, которая действовала на основании Духовного регламента, введенного духовной реформой Петра I в 1721 г. Среди прочего, этот документ регламентировал отношении духовенства к проявлению суеверий в народе. По этому поводу в Регламенте говорилось: «Смотри же должен Епископ, чего смотреть обещался с клятвою на поставлении своем, сиесть о монахах, дабы не волочились безпутно, дабы лишним безлюдных Церквей не строено, дабы иконам Святым ложных чудес не вымышлено; також и кликушах, о телесах мертвых несвидетельствованных, и прочих всего того добре наблюдать».

Все же тое, чтобы удобнее прошло в дело, указать должен Епископ по всем городам, чтобы закащики, или нарочно определенные к тому благочинные, аки бы духовные фискалы, тое все надсматривали, и ему бы Епископу доносили. Естьли бы таковое нечто где проявилось, под виною извержения, кто бы утаить похотел»⁵.

³ Там же. С. 12–13.

⁴ Лісейчыкаў, Д.В. Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720–1839 гг. / Д.В. Лісейчыкаў. – Мінск, 2011. – С. 96.

⁵ Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского Духовного

Документ также касался почитания новоявленных чудотворных икон: «Еще сие наблюдать, чтобы как деялось, впред бы того не было: понеже сказуют, что нецыи Архиереи, для вспоможения церквей убогих, или новых построения, повелевали проискывать явления иконы в пустыне, или при источнице, и икону оную за самое обретение свидетельствовали быти чудотворною»⁶. Более того, положения «Духовного регламента» относились и к другим почитаемых народом святыням или священным местам.

Православные священники обязывались периодически предоставлять в Духовную консисторию сведения о наличии суеверий у них на приходах, а также должны были подвергать каждый случай каких-либо чудесных явлений особому рассмотрению. Сохранилось немало архивных дел, описывающих подобные расследования, в том числе касающиеся зарождения прощ и явления новых икон.

Так, в 1815 г. в Минском губернском правлении было отдано распоряжение о расследовании явления иконы Богоматери в поле в имении Савичи маршала Войниловича в Слуцком повете⁷. Однако сведений о фактическом расследовании дела нет. Отмечено лишь, что на 1818 г. о его исходе ничего не было известно⁸.

В 1835 г. рассматривался случай явления иконы вблизи имения Хржанова помещика Чарноцкого и возникновения на этом месте прощи. Малолетний сын помещика Самуила Корзуна, Иосиф, нашел в лесу икону Богоматери. Затем местный десятский Григорий Брановец стал рассказывать, что его жена видела сон, связанный с иконой, и повесил ее на березе на том месте, где она была найдена. Его жена обвязала образ холстом. «С того времени начал стекаться народ для богомоления с разными приносами и пожертвованиями», а на том месте был установлен крест. После того как протоиерей по фамилии Кустов со священником Пигулевским взяли икону к себе, Самуил Корзун, «полагаясь на сон, который якобы имела другая крестьянка Елена Зубкова, что там в земле есть камень», вместе с

Чина и Правительствующаго Сената, в царствующем Санктпетербурге, в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный. 3-е изд. – Москва, 1883. – С. 26–27.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 3787. – Л. 2.

⁸ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 3787. – Л. 9.

крестьянином Степаном Демешем выкопали из-под креста «камень с выбитым якобы на оном крестом» и положили его около креста. Пожертвования, которые паломники продолжали приносить к кресту, забирали, по большей части, «дворянин Корзун со шляхтичем Николаем Прихоцким»⁹.

В ходе расследования выяснилось, что «явленную» икону потерял мещанин местечка Грозово Василий Котович, проезжая по пути в Греск через лес под названием Старище около Хржанова¹⁰. При вынесении духовным ведомством окончательного решения было учтено, что крестьяне не получали никаких выгод от почитания иконы, а намеревались построить новую церковь на пожертвования, не заставляли священников оглашать чудес, а также что «ничего в сем предмете не учинено с умыслом и с намерением». Тем не менее Самуил Корзун, Степан Демеш, Григорий Брановец и Николай Прихоцкий признавались виновными в недонесении духовному ведомству о якобы чудотворном явлении. Корзун с Прихоцким также были признаны виновными в привлечении простого народа к приношению жертвований, а Корзун и Демеш – в выкапывании камня из земли¹¹. В качестве наказания виновным была определена шестимесячная епитимья по месту жительства под надзором духовного отца, «с молитвою с земными на всяк день 10-ю поклонами, постясь среды и пятки»¹².

В 1850–1860-х гг. в Минской духовной консистории разбиралось дело о постройке часовни в деревне Кондратовичи Игуменского уезда¹³, связанное с обстоятельствами суеверного характера. В августе 1859 г. «житель застенка Кондратович Иван Павлович, по какому-то откровению, бывшему ему во сне, поставил крест с иконой в поле близ застенка на месте когда-то бывшей часовни». Священник приходской церкви в Пуково Ксенофонт Шенец, «радуясь этому случаю», освятил крест и место для кладбища. Вскоре после этого «Павлович вместе с другими нашел при камени, бывшем, как можно,

⁹ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 3787. – Л. 1 об.–2 об.

¹⁰ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 10759. – Л. 1 об.

¹¹ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 10759. – Л. 3–5.

¹² НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 10759. – Л. 8.

¹³ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 1–1 об.

угадывать, под напрестольном месте, маленький цинковый медалик с полуистертою фигурою Божией Матери, везде разгласил об этом явлении и установилась таким образом проща». Поначалу священник был доволен, что «буйный и своевольный народ обратился, наконец, к Богу, а со временем к богобоязненной жизни». Однако люди начали распространять сведения об иконе и о чудесах от нее «единственно лишь ради денег». Сперва множество любопытствующих, а потом и богомольцев «начали сходитья большими массами, неся в жертву деньги, лен, холст и прочее. Приходская церковь от этого не стала получать своего обычного дохода, богомольцы спешили к проще за своим богослужением и жертвами». Тогда священник забрал икону в церковь и стал требовать от людей нести пожертвования туда. Однако люди отказались отдавать приношения священнику, заявив, что деньги (около 80 руб.) отдадут помещику, поскольку это его земля. Вступив таким образом в конфликт, священник обратился с рапортом к благочинному, а далее – в консисторию о том, чтобы приношения были переданы церкви, а почитание прощи было прекращено.

Благочинный, священник Петр Вернадский, с приставом I-го стана Игуменского уезда прибыли на место «установленного суеверия». Их взору предстала следующая картина: на расстоянии метров 60 от Кондратовичей стоял небольшой крест, огороженный кольями с проходом к кресту. Также было огорожено место, где когда-то стояла часовня: внутри ограды находился каменный фундамент, и стояло два креста, старый и новый, установленный дворянином Иваном Павловичем. На первом кресте находилась Казанская икона Божией Матери, увешенная различными привесками (приношениями), а в маленьком выдолбленном углублении помещался цинковый медальон, с находки которого и началось почитание данного места. Все место было аккуратно убрано, а у самого креста «застлано двумя навесками, видимо, для склада приношений». Опрошенные жители рассказали, что дворянин Иван Павлович якобы во сне получил некое повеление установить крест. Затем однодворец Иван Дубовик после сновидения нашел на камне возле креста иконку – цинковый медальон с изображением Богоматери, и с того времени место стало почитаться чудотворным, то есть прощей.

Сам И. Павлович пояснял, «что он, будучи еще малолетним и больным, видел во сне Матерь Божию, потому в 50 шагах от Кондратович на месте когда-то бывшей часовни поставил крест, за что получил здравие и благополучие», а 16 августа 1859 г. у этого креста явился образ Богоматери. Тогда от лица жителей застенка Кондратовичи Павлович решил просить разрешения построить на месте явления иконы церковь на собранные деньги. Впоследствии Павлович более подробно разъяснил причины, побудившие его на установку креста. Так, однажды после молитвы он увидел во сне Божию Матерь, повелевшую ему поставить крест, пообещавшую за это выздоровление. Следуя повелению, он изготовил и установил крест в Грозовском приходе около деревни Слобода, в двух верстах от Кондратовичей. После этого здоровье Павловича стало улучшаться. В 1855 г. он видел во снах две иконы: Спасителя и Божией Матери, установленные на кресте. В другом сновидении ему было велено заказать такие иконы и поместить их на кресте, что он и сделал в 1856 г. В 1859 г. Павловичу являлись во сне то Спаситель, то Божия Матерь. Они велели перенести крест из-под Слободки в застенок Кондратовичи и поставить на месте, где некогда была церковь (часовня). Но Павлович медлил с перенесением креста и тогда он снова увидел во сне Спасителя и Божию Матерь. Однажды пробуждаясь, он услышал голос Спасителя: «Перенеси крест Мой, куда я велел тебе, припомни Иван», а Божия Матерь добавила: «Я подала тебе здоровье, перенеси же крест на указанное тебе место». Голоса и произносимые слова Павлович, по собственному свидетельству, слышал явственно, но самих говоривших, как обычно бывало у него во сне, не видел, а только чувствовал их присутствие. После этого, 26 июля, он перенес крест на указанное место, а спустя три недели возле него был найден маленький металлический образок: с одной его стороны была изображена Божия Матерь, а с другой – крест. По совету пуковского священника Шенца Павлович вделал образок в крест, но через два месяца он оттуда исчез. Священник сказал Павловичу, что образок хранится в церкви¹⁴.

Но главным спорным вопросом стали средства, собранные у креста. Богомольцы не соглашались отдать их в пользу православ-

¹⁴ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 119–125 об.

ного храма, поскольку местный помещик Антон Булгак должен быть «сделать дознание о явлении иконки» и определить, к какому исповеданию – православному или католическому – она принадлежит, чтобы построить церковь или костел¹⁵.

Сам же помещик Булгак по поводу требования от него денег объяснил, что в 1856 г. жители Кондратович «по обречательству своему» установили вблизи застенка крест, под которым около камня 16 августа 1859 г., в день рождения его сына, явилась икона Божией Матери. Он отметил, что священник «Шенец, опираясь на выдуманные предания, будто бы иконка явилась на старом церковнице и возле подпрестольного камня, тогда как это собственно его (Булгака – О.В.) земля <...> и, завидуя приносимым богомольцами пожертвованиям, стремился к обращению жертв в свою пользу»¹⁶. По словам помещика, священник просил его об отпуске дерева на постройку часовни для «поставления мертвых тел», в которой можно было бы поместить и явленную икону, но не исходатайствовал на это разрешения начальства и его согласия как вотчинного владельца земли, тем более, что в селе было кладбище с часовней. Булгак отмечал, что Шенец подговаривал одного из своих прихожан тайно вынуть иконку из креста и отдать ему, но прихожанин не согласился. Тогда священник сам взял ее и письменно уведомил Булгака о том, что Кондратовичская проща сама собой перешла в ночь с 11 на 12 октября без участия кого-либо из жителей застенка. В качестве свидетелей были указаны дьячок и два человека из старостового дома¹⁷. Булгак также просил учесть, что крест поставлен с его согласия, и на этом месте не было никакой церкви, помимо того, что он, будучи католиком, не относится к православному приходу, а икона, которая явилась в день рождения его сына, служит знаком Божиего благословения¹⁸.

Итогом споров между помещиком и священником о том, кому принадлежат средства и кто должен строить часовню, стало распоряжение о «прекращении в Пуковском приходе суеверия», из-

¹⁵ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 120 об.

¹⁶ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 125 об.

¹⁷ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 126.

¹⁸ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 126 об.

данное Духовной консисторией и губернским правлением в январе 1860 г.¹⁹

Тем не менее почитание иконки и места ее явления (прощи) продолжалось. По этой причине в августе 1860 г. губернское правление вынесло постановление ни под каким предлогом «не допускать суеверия», вменив при этом «приставу в обязанность, чтобы всякое новолунное воскресенье находился на месте допускаемого суеверия для воспрещения стечения народу, в случае же невозможности находиться самому наражал караульного из нижних полицейских служителей для отвращения вкоренившегося зла»²⁰. Но и это не смогло остановить народное паломничество к месту явления иконы.

Спустя два года песочанский благочинный священник Николай Соловьевич осмотрел почитаемое место. В своем рапорте на имя минского архиепископа Михаила (Голубовича) он отметил, что народ скорбит об отсутствии возможности совершать богослужения на месте явления иконы и желает построить на старом церковном фундаменте церковь или хотя бы часовню²¹. Благочинный предложил отменить постановление консистории о запрете сбора людей на месте явления иконы, предписать пуковскому причту служить в Кондратовичах молебны каждое новолунное воскресенье и назначить старосту для наблюдения за приношениями. Помимо этого, он порекомендовал ежеквартально вносить в консисторию деньги, жертвуемые и выручаемые от продажи приношений. Одну половину внесенных средств следовало бы обращать на вдов и сирот, а вторую – на училище девиц духовного звания²². Священник также отметил, что старая пуковская церковь стоит возле новой «без всякой пользы» и высказал предложение о том, что ее можно было бы перенести в Кондратовичи²³.

Расследование было возобновлено и продлилось несколько лет. В архивном деле хранится описание случаев исцеления после молитв перед иконкой, датируемое 1862–1863 гг. Часть случаев опи-

¹⁹ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 16.

²⁰ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 31 об. – 32.

²¹ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 37 об. – 38.

²² НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 38 об. – 39 об.

²³ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 39.

сана на русском языке, а часть на польском²⁴. В итоге было получено разрешение на строительство в Кондратовичах церкви, приписной к пуковскому храму. Церковь была построена и 24 июня 1866 г. освящена²⁵.

Помимо прощ, связанных с местами явления икон, отмечались попытки установить прощи, связанные с почитанием камней. В целом, почитание камней было характерно для языческого прошлого белорусов. Эту традицию не удалось искоренить за несколько столетий христианства, вероятно, по причине низкого уровня образования крестьян, а порой, и духовенства.

В мае 1823 г. в Минскую духовную консисторию поступил рапорт Паричского священника Павла Мигая, ревизора домановичского благочиния Речицкого уезда. В рапорте было отмечено, что во время ревизии благочиния о. Павел заметил в Николаевском храме села Сливин большой камень перед иконой Богородицы, «обвешанный холстом и бусами, или по-крестьянску назвать манистами»²⁶. Местный священник Януарий Смолич и причетники рассказали, что этот камень раньше лежал в лесу. К нему на поклонение «ежечасно» ходили прихожане сливинской церкви, которые считали это место прощей. Вскоре камень по повелению благочинного привезли в церковь, «где уже первой всякой недели бывает и збор»²⁷.

Во время расследования происхождения камня и традиции его почитания домановичский благочинный, священник Иоанн Смолич, сообщил, что камень поместили в храме для хранения освящаемой воды. Тем не менее выяснилось, что он действительно пользовался особым почитанием народа. Благочинный отметил, что проща была установлена еще униатскими священниками. Они «не для пользы церкви святой, а для одной своей корысти, чтобы получать себе на стороне большие доходы, вопреки божественному писанию, выдумали были прощу, подле проселочной дороги, идущей с Минска через Сливин в Речицу». Для этого «с селением в обе стороны за одну милю» отыскивали «на площади при полю и каких-то воинских

²⁴ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 89–91.

²⁵ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 28883. – Л. 118.

²⁶ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 6259. – Л. 1.

²⁷ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 6259. – Л. 1.

курганах в острове церковном, окруженном большим темным лесом и болотистой маленькою речкою», большой камень. Над камнем построили каплицу, где совершали богослужения в первую неделю²⁸. По рассказам местных стариков, некий князь²⁹, проезжая мимо, узнал об этой прощѣ и сжег каплицу. При пожаре пострадал и камень: от него откололось множество мелких кусков. Впоследствии прихожане собирали их на поле и приносили к камню³⁰. Самого же князя постигло несчастье. Когда он, «спаливши каплицу», заехал в Речицу, то «обвалилась обозна и лошадь ему за то побила».

Став благочинным, священник Иоанн Смолич предложил церковнослужителям перенести камень в церковь и сделать в нем углубление для хранения освященной воды. Собранные осколки следовало «тайным образом похоронить», чтобы прихожане не смогли их найти, принести на прежнее место и возобновить прощу. Все это необходимо было для того, чтобы крестьяне поскорее забыли о почитании камня и не ходили в униатские храмы³¹.

Кроме того, благочинный отметил, что прихожане сливинской церкви «немало оскорбились» из-за того, что, по словам ревизора, священника Павла Мигая, они кланяются камню, а не иконам. Крестьяне сказали, что когда камень лежал в лесу, «то и тогда не ему поклонялись, а Богу тому, который создал небо и землю и все на свете, и Его кресту, поставленному там от наших предков». Что же касается бус и манистов, то священник Иоанн Смолич отметил, что ничего не знает и видел их только на иконе Богородицы³². Он объ-

²⁸ Вероятно, имеется в виду первое новолунное воскресенье, для которых было характерно особое почитание прощ на территории Минской епархии.

²⁹ В тексте документа используется слово «ксѣнжа». Впоследствии в документах оно приводится как «князь». Тем не менее данное слово переводится с польского языка как «ксендз», «священник», поэтому речь может идти как о князе, так и о священнике.

³⁰ Стоит отметить, что это был не единственный случай. Н.А. Янчук также отмечал, что камни со знаками, похожими на отпечаток человеческой стопы, разбивались на куски по распоряжению властей, а народ опять их складывал или же приписывал каждому обломку такую же чудесную силу (см.: Янчук, Н.А. По Минской губернии. С. 16). Подобные действия прихожан мы увидим при разборе еще одного случая далее.

³¹ Сливинская церковь была переведена в православное ведомство в 1796 г. (НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 6259. – Л. 26 об.).

³² НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 6259. – Л. 16–17.

яснил, что камень положили перед иконой Богоматери не нарочно, а из-за чрезвычайно малой площади храма – его больше некуда было положить. Камень использовали исключительно в качестве сосуда для хранения воды и не воздавали ему никакого поклонения³³.

Тем не менее благочинный получил строгий выговор за то, что не донес епархиальному начальству о сборе народа к камню для молитв, а самовольно позволил перевезти его в церковь. Он также получил предупреждение, что впредь в случае подобных «упущений по должности» он будет осужден по законам. Камень же, по распоряжению епархиального руководства, был закопан в землю и его почитание окончательно прекратилось³⁴.

В 1890 г. стало известно о почитании чудотворным камня в деревне Замощье Слуцкого уезда. Дело было так. В первых числах сентября крестьянин деревни Замощье Старчицкого прихода Димитрий Сергеев Кецько заметил на болоте в полуверсте от своей деревни довольно большой камень. Его верхняя часть виднелась из-под обгоревшей болотистой земли. Крестьянин разбил камень и отвез часть домой. Приехав за оставшийся частью и перевернув камень, он обнаружил на нем впадину «наподобие кисти сжатой руки человека». В недоумении Кецько оставил его на месте и рассказал о своей находке односельчанам. Последние, осмотрев впадину на камне, посчитали его необыкновенным чудом, известным в народе как «проща»³⁵.

Восьмого сентября, на ярмарке возле Старчицкой церкви слух о камне разнесся между крестьянами окрестных деревень. На следующий день к камню священник поехал и попытался убедить крестьян не верить в его чудотворную силу³⁶. Тем не менее почитание прощии продолжилось. Крестьяне огородили камень и установили возле него большой деревянный крест, на котором повесили три иконы³⁷.

³³ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 6259. – Л. 20.

³⁴ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 6259. – Л. 26 об.–27.

³⁵ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36239. – Л. 4.

³⁶ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36239. – Л. 4 об.

³⁷ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36239. – Л. 5.

Во исполнение указа Минской духовной консистории 7 мая 1891 г. благочинный второго округа Слуцкого уезда священник Петр Подольский вместе с полицейским урядником 4-го участка прибыли на место и при помощи сотских и десятских разбили камень. Затем его вывезли на 6 лошадях и сбросили в реку, протекавшую в 12 верстах от места, где он изначально лежал. Ограду вокруг камня разобрали, «так что не осталось и следа»³⁸.

Однако народ продолжал поклоняться камню. С той лишь разницей, что пожертвования стали приносить не только на старое место, но и бросать в реку³⁹. На месте, где раньше лежал камень, крестьяне установили новый крест, обвешанный холстом, а возле него положили «горсти 2 маленьких камешков, осколков от утопленного камня» и поставили стол⁴⁰.

Почти через год, в марте 1892 г., священник старчицкой церкви Вячеслав Якубович обратился к Минскому епископу Симеону с предложением поставить на этом месте «маленькую будку с ящиком для денежных и отверстием для вещественных приношений». Причиной этому послужило отсутствие средств на ремонт храма⁴¹. Предложение было отклонено. Из консистории последовал приказ «разъяснить священнику, что его долг заключается не в правильном поступлении в церковь пожертвований от суеверного населения, а в том, чтобы отклонить прихожан от суеверного чествования»⁴².

Спустя некоторое время крест и стол сожгли, а иконы и холст забрали в церковь⁴³. Крестьяне еще некоторое время пытались продолжать почитание камня, но к концу 1892 г. оно угасло⁴⁴.

Как уже отмечалось выше, помимо икон и камней, прощии могли возникать в связи с почитанием деревьев и различными видениями. Это можно показать на следующих примерах.

В октябре 1855 г. Ошмянский благочинный священник Даниил Петровский сообщил в Литовскую духовную консисторию о том, что

³⁸ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36239. – Л. 6.

³⁹ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36239. – Л. 7.

⁴⁰ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36239. – Л. 15 об.

⁴¹ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36239. – Л. 7.

⁴² НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36239. – Л. 10 об.

⁴³ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36239. – Л. 22.

⁴⁴ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36239. – Л. 44.

житель деревни Лесники Першайского римско-католического прихода по фамилии Менцюк обнаружил «какое-то чудотворное место»⁴⁵. Местный ксендз установил там крест. Народ стал приносить к кресту пожертвования деньгами, холстом и шерстью, которые забирал себе Менцюк⁴⁶. В рапорте также отмечено, что в праздничные и воскресные дни в православной церкви почти не бывает народа, «а все толпится к сему месту»⁴⁷.

Для проведения расследования 13 ноября на «чудотворное» место прибыл Ошмянский благочинный. Это место находилось на расстоянии 150 саженей от деревни Лесники, возле дороги из Лесников в Першай. Оказалось, что крестьянин Юрий Менцюк в первой половине августа этого года утром увидел там «светлое явление». Оно было подобно утиральнику, который то поднимался вверх, то опускался на землю. Крестьянин принял это явление за холеру, которая в то время свирепствовала в окрестностях деревни Лесники⁴⁸. Испугавшись, он рассказал об этом видении своим односельчанам. Посоветовавшись, они решили установить на месте «явления» крест. Викарный ксендз Першайского костела по фамилии Стецкий освятил это место и установленный крест и сказал народу молиться здесь.

После этого жительница деревни Лесники по фамилии Промасевичева, «женщина увечная», видела на этом месте Христа и его раны. Слух об этом разнесся по Лесникам и окрестным селам. К кресту начали сходиться люди. Настоятель Першайского костела по фамилии Дановский прислал в Лесники кружку для сбора пожертвований, которую прицепили к кресту. Среди паломников к этому месту были не только крестьяне, но и представители высших сословий, несмотря на то, что за несколько месяцев почитания данного места не отмечалось случаев исцеления⁴⁹.

⁴⁵ Данный случай произошел за пределами Минской губернии, тем не менее он весьма интересен и хорошо показывает, каким образом порой зарождались прощия вне зависимости от конфессиональной принадлежности, поэтому мы решили включить его в настоящую статью.

⁴⁶ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 27157. – Л. 5.

⁴⁷ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 27157. – Л. 5 об.

⁴⁸ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 27157. – Л. 6–6 об.

⁴⁹ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 27157. Л. 6 об.–7.

После расследования был издан указ убрать крест, отстранить ксендза от Першайского прихода, строго контролировать, чтобы «не было никаких сборищ». Кроме того, последовало предписание министра внутренних дел Римско-католической духовной коллегии, запрещавшее проводить крестные ходы или моления вне храмов, а также устанавливать какие-либо священные изображения вне костелов⁵⁰.

Еще один известный случай видения не получил большого развития. Первого августа 1879 г. крестьянка деревни Вересково Полберечского прихода Юлия Конон, православного вероисповедания, рассказала односельчанам, что, собирая в этот день грибы в лесном урочище Хохлово, она видела в лесу богато одетую женщину. В руках у женщины был зонтик, и она, несмотря на сильный дождь, не промокла. Женщина подозвала крестьянку к себе и стала расспрашивать ее, с кем она была в лесу и что делала. Юлия ответила, что с ней были еще три женщины и один мужчина, которые, как и она, собирали грибы. Тогда женщина сказала, что грибы вредно употреблять в пищу, а затем спросила о больных в деревне Вересково, и, предвещая, что в этой деревне умрет 60 человек, посоветовала молиться Богу. Окончив беседу с крестьянкой, женщина исчезла, а Юлия возвратилась домой⁵¹.

В этом же месяце пристав первого стана Новогрудского уезда расспросил Конон о ее видении. Женщина ответила, что все это могло ей показаться, поскольку отстала от других женщин и потерялась⁵².

Также расследование провел священник Полберечской церкви, Иоанн Маркевич. Ему Юлия Конон сказала, что «никакой женщины богато одетой она не видела в лесу, а если она и говорила что-нибудь подобное, то это для того, чтобы запугать других крестьянок, тоже собиравших грибы в сем урочище, и для того, чтобы считаться между крестьянами женщиной, выделяющейся из ряда обыкновенных». Священник сделал «ей надлежащее внушение, чтобы она подобных ложных слухов не распространяла более и не смущала крестьян»⁵³.

⁵⁰ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 27157. Л. 9.

⁵¹ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35582. Л. 1–2.

⁵² НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35582. Л. 2.

⁵³ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35582. Л. 4–4 об.

На этом суеверие было прекращено, так и не успев перерасти в прощу, что, несомненно, могло бы иметь место, поскольку в преданиях о некоторых чтимых иконах, пусть и расположенных в других губерниях, встречается видение крестьянами благовидной женщины, которую с течением времени люди принимали за Божию Матерь⁵⁴.

В 1892 г. проща появилась в застенке Вошкаты Грозовской волости. К ней по воскресеньям начал съезжаться народ для поклонения и принесения пожертвований. Поводом к этому послужило следующее событие.

В конце полей жителей Вошкат, на границе с лесом, принадлежащим Радзивиллам, росла «не особенно высокая береза, отличающаяся от остальных этой породы деревьев густотою и одинаковым размером ветвей, точно подстриженным, придающих ей этой особенностью красоту». Крестьянин Мартин Порозовский распространил суеверие о том, что в тот день, когда он сделал метлы с ветвей этой березы, его постигла болезнь: «ломота всех членов». После того, как крестьянин раскаялся и пообещал впредь не портить и охранять целостность березы, он почувствовал облегчение.

«Все склонные к суеверию» поверили ему и стали приносить к березке пожертвования в виде холста, льна и денег. Сначала пожертвования забирали мальчики, пасущие скот, а когда «они стали более ценными» – десятский деревни Федор Москалевич. При березке поместили икону Спасителя⁵⁵.

По решению Минской духовной консистории березка была срублена и сожжена⁵⁶. Священник копыльской вознесенской церкви, Андрей Савич в рапорте благочинному указал, что население застенка исповедовало католичество, за исключением семей Ивана и Федора Андреевых Москалевичей⁵⁷, что в очередной раз показывает склонность к суевериям и низкий уровень знаний основ христианства у представителей различных конфессий.

⁵⁴ См., например: Иосиф (Соколов), епископ. Гродненский Православно-церковный календарь, или Православие в Брестско-Гродненской земле в к. XIX в.: в 2 т. / епископ Иосиф (Соколов). – Воронеж, 1899. – Т. 1. – 456 с.

⁵⁵ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 6. – Д. 2. – Л. 2–3.

⁵⁶ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 6. – Д. 2. – Л. 14.

⁵⁷ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 6. – Д. 2. – Л. 25.

Несмотря на попытки духовенства пресекать возникновение новых прощ, последние, зародившиеся еще во время унии и Речи Посполитой, сохранялись. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. сведения о них стали печатать в различной этнографической, краеведческой и даже православной литературе⁵⁸.

В некоторых случаях православное духовенство отмечало суеверный характер некоторых составляющих традиции почитания чудотворных икон, но, тем не менее, не уничтожало его. Это можно показать на примере чтимой иконы Божией Матери в церкви в урочище Монастырок, приписной к Велятичскому храму.

В 1832 г. священник церкви в Сморках по фамилии Филиповский донес благочинному Борисовского уезда, священнику Павлу Лисевичу, что униатская каплица, называемая Монастырком, «служит великим оскорблением для благочестия и даже видимым соблазном к соращению из православия». Это было обусловлено тем, что православные прихожане вместе с униатами в первое воскресенье после новолуния, а также в некоторые церковные праздники шли не в свои храмы, а в Монастырок, где находилась проща. При этом священник отмечал, что «они с своими приношениями туда собираются, неся с собою от каждого дома за несколько миль доски, на которых вырезают или человеческий образ руки или ноги или скотские ноги и копыта, конечно из суеверия. Сии доски кладут намост, чрез который нужно идти к оной каплице, состоящей на

⁵⁸ См., например: Николай (Трусковский), архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии / архимандрит Николай (Трусковский). – Санкт-Петербург, 1864. – 315 с.; Приложение к «Минским епархиальным ведомостям» Описание церквей и приходов Минской епархии, составленное по официально затребованным от причтов сведениям по уездам за 1878-1879 гг.; Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [В 19-ти т.] / под ред. В.П. Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова. Т. 9: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Сост. В.П. Семенов, М.В. Довнар-Запольский, Д.З. Шендрик [и др.]. – Санкт-Петербург, 1905. – 620 с.; Иосиф (Соколов), епископ. Гродненский Православно-церковный календарь, или Православие в Брестско-Гродненской земле в к. XIX в.: в 2 т. / епископ Иосиф (Соколов). – Воронеж, 1899. – Т. 1. – 456 с.; Покровский, Ф.В. Археологическая карта Виленской губернии / Ф.В. Покровский. – Вильна, 1893. – 164 с.; Покровский, Ф.В. Археологическая карта Гродненской губернии / Ф.В. Покровский // Труды 9-го археологического съезда в Вильне, 1893; под ред. графини Уваровой и С.С. Слуцкого. – Вильно, 1895. – Т. 1. – 165 с. и др.

небольшом острове». Помимо описания суеверия, сморочский священник просил «дабы оная каплица была отдана к Сморецкой церкви, в коей по старости, малости и течи трудно отправлять богослужения»⁵⁹. Тем не менее после перевода Велятичской церкви вместе с Монастырком в православие, своеобразная традиция почитания иконы сохранилась и впоследствии была описана Шпилевским⁶⁰.

Как было показано на рассмотренных примерах, особое чествование прощ происходило в каждое первое воскресенье после новолуния. Н.А. Янчук писал, что новолунные воскресенья были «в большом уважении у белорусов. Считается большим грехом не быть за обедней в такое воскресенье; иные же старики даже считают долгом в этот день исповедываться и причаститься»⁶¹. Он отмечал, что их почитание объясняют влиянием католичества, которое совершало в эти дни крестные ходы, или же влиянием иудейства, но считает эти объяснения несостоятельными и приводит следующее: «культ луны был, конечно, известен и древним обитателям Белоруссии и он достаточно ясно выступает в других обрядах и песнях, например, свадебных»⁶².

Таким образом, тесное переплетение христианства и язычества сохранялось на территории Минской губернии на протяжении всего XIX в. Периодически в различных районах губернии возникали новые прощ. Порой, несмотря на запреты на законодательном и церковном уровне, наказания, которым должны были подвергаться нарушители данного запрета, их почитание поддерживалось священнослужителями господствующей в этом районе конфессии, а искоренение прощ чаще всего было длительным и достаточно непростым процессом. В некоторых случаях, как и во времена унии, вместо искоренения имела место адаптация почитания прощ под христианскую традицию. Кроме того, феномен прощ на белорусских землях, входивших в состав Великого княжества Литовского,

⁵⁹ НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 9916. – Л. 1–1 об.

⁶⁰ Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П.М. Шпилевский. – Минск, 2004. – С. 175.

⁶¹ Янчук, Н.А. По Минской губернии. С. 12.

⁶² Там же. С. 12–13.

Речи Посполитой, а затем Российской империи недостаточно изучен и требует дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшаго, державнейшаго государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского Духовного Чина и Правительствующаго Сената, в царствующем Санктпетербурге, в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный. 3-е изд. – Москва, 1883. – 193 с.

2. Иосиф (Соколов), епископ. Гродненский Православно-церковный календарь, или Православие в Брестско-Гродненской земле в к. XIX в.: в 2 т. / епископ Иосиф (Соколов). – Воронеж, 1899. – Т. 1. – 456 с.

3. Лісейчыкаў, Д.В. Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720–1839 гг. / Д.В. Лісейчыкаў. – Мінск, 2011. – 198 с.

4. НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 10759. Дело о наложении одномесячной церковной епитимьи на дворян Самуила Корзуна, Николая Пригодзского и на крестьянин: Степана Демеша и Григория Браковца за оглашение потерянной Грозовским мещанином, живущим в деревне Хржанове Василием Котовичем иконы якобы чудотворной.

5. НИАБ. Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 27157. Дело о чудотворном месте, на котором поставлен крест жителем деревни Лесников Першайского прихода.

6. НИАБ. Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 28883. Об открытии суеверия Пуковского прихода в деревне Кондратовичах Игуменского уезда.

7. НИАБ. Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 35582. Дело по рапорту новгородского уездного исправника о распространении крестьянкой Ю. Конон суеверных слухов.

8. НИАБ. Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 36239. Об открытии в Старчицком приходе Слуцкого уезда близ д. Замошья чудотворного камня.

9. НИАБ. Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 3787. Дело о явлении чудотворной иконы в им. Савичи Слуцкого повета. 1815 г.

10. НИАБ. Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 6259. О камне, положенном прихожанами с. Сливина в церкви пред иконою Божией Матери.

11. НИАБ. Ф. 136. – Оп. 6. – Д. 2. Дело о распространении крестьянином деревни Вошкаты Грозовской волости Копыльского прихода Слуцкого уезда Мартином Перезовским суеверия в чудотворность березы, растущей в конце полей местных крестьян.

12. Николай (Трусковский), архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии / архимандрит Николай (Трусковский). – Санкт-Петербург, 1864. – 315 с.

13. Покровский, Ф.В. Археологическая карта Виленской губернии / Ф.В. Покровский. – Вильна, 1893. – 164 с.

14. Покровский, Ф.В. Археологическая карта Гродненской губернии / Ф.В. Покровский // Труды 9-го археологического съезда в Вильне, 1893; под ред. графини Уваровой и С.С. Слуцкого. – Вильно, 1895. – Т. 1. – 165 с.

15. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [В 19-ти т.] / под ред. В.П. Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова. Т. 9: Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Сост. В.П. Семенов, М.В. Довнар-Запольский, Д.З. Шендрик [и др.]. – Санкт-Петербург, 1905. – 620 с.

16. Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П.М. Шпилевский. – Минск, 2004. – 250 с.

17. Янчук, Н.А. По Минской губернии: заметки из поездки в 1886 г. / Н.А. Янчук. – Москва, 1889. – 130 с.

**REGARDING THE ATTITUDE
OF THE ORTHODOX CHURCH TO «PROSHCHAS»
(LOCA SACRA) AND NEW APPEARING
MIRACULOUSLY ICONS IN THE SETTING
OF ECCLESIASTICAL REGULATIONS
OF 1721 IN MINSK GOVERNORATE
IN THE 19TH CENTURY**

V. BARYSENKA

The article is devoted to understudied phenomenon of «proshcha» (locus sacrum) which still persisted in Minsk Governorate in the 19th century among the representatives of different Christian denominations. Archive evidences were used to consider the origin and development of devotion of places related with discoveries of icons, stones or visions as well as attitude of the Orthodox Church towards them. The latter varied from absolute prohibition and abolishment of adoration object to adaptation of devotion to the Christian tradition and following construction of church at the place of «proshcha».

Keywords: appearing miraculously icon, Christianity, Ecclesiastical Regulations, locus sacrum, paganism, «proshcha», stone.